

УДК 347.21

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА, ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

© 2024 г. В. Н. Лисица

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lissitsa@mail.ru

Поступила в редакцию 23.08.2023 г.

Аннотация. В статье проведено сравнение цифровой валюты с цифровым рублем наряду с другими безналичными денежными средствами (на банковских счетах, а также с электронными денежными средствами) и обосновывается их разная гражданско-правовая природа, в связи с чем использование в их наименованиях общей цифровой характеристики ведет к их смешению, а не к четкому разграничению между собой. В целях придания цифровой валюте необходимой гражданско-правовой оборотоспособности формулируется вывод о важности ее признания в качестве имущества в гражданском законодательстве. По аналогии с интеллектуальной собственностью проводится различие между нематериальным объектом — цифровым знаком (цифровым кодом, токеном) и признаваемым законодательством на него субъективным гражданским правом имущественного характера, которое способно передаваться (отчуждаться) другим лицам и быть предметом различных сделок. С этой точки зрения и с учетом отсутствия должника в обязательстве перспективным представляется квалификация цифровой валюты в качестве абсолютного цифрового права с установлением детального порядка его возникновения, осуществления (распоряжения), перехода по другим основаниям, обременения, прекращения и защиты в действующем законодательстве.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровой знак, токен, цифровой рубль, электронные денежные средства, безналичные денежные средства, цифровое право.

Цитирование: Лисица В. Н. Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в российском гражданском праве: проблемы соотношения // Государство и право. 2024. № 2. С. 110–118.

DOI: 10.31857/S1026945224020118

DIGITAL CURRENCY, DIGITAL RUBLE AND ELECTRONIC MONEY IN RUSSIAN CIVIL LAW: PROBLEMS OF CORRELATION

© 2024 V. N. Lisitsa

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lissitsa@mail.ru

Received 23.08.2023

Abstract. The article compares digital currency with the digital ruble and other non-cash funds (on bank accounts as well as electronic money) and justifies their different civil law nature that, due to the use of the common digital characteristic in their names, leads to their confusion, but not to the clear distinction among them. In order to ensure digital currency with the necessary civil law treatment, it is concluded that it be recognized as property in civil law. By analogy with intellectual property, it is argued to distinguish between an intangible object — a digital sign (digital code, token) and a civil legal right to be acknowledged in law for it. From this point of view, given the absence of a debtor in an obligation, digital currency in Russian Civil Law should be treated as an absolute digital right and regulated in details in the current civil legislation regarding the order of its appearance, implementation (disposal), transfer, lien, termination, and protection.

Key words: digital currency, cryptocurrency, token, digital ruble, electronic money, non-cash money, digital right.

For citation: Lisitsa, V.N. (2024). Digital currency, digital ruble and electronic money in Russian Civil Law: problems of correlation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 110–118.

За последние годы криптовалюта как новое революционное явление в экономике бросила вызов традиционным денежным средствам, используемым в качестве средства платежа и признаваемым государством, причем не только в гражданско-, но и уголовно-правовой сфере¹. В Российской Федерации, по экспертным оценкам, гражданами открыто свыше 12 млн криптовалютных кошельков общим объемом порядка 2 трлн руб.² Учитывая масштабы и дальнейшие перспективы развития ее оборота, в том числе в части обеспечения внешне-экономических расчетов в условиях действия ограничительных мер недружественных зарубежных государств, Российская Федерация не может игнорировать данные обстоятельства и в этой связи совершенно оправданно стремится создать необходимую правовую основу для формирования легального рынка криптовалют³. В этой связи вполне своевременным и обоснованным стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации»⁴ (далее — Федеральный закон о цифровой валюте), который обеспечил законодательное признание цифровой валюты в Российской Федерации.

Однако еще раньше крипто- и иная цифровая валюта стала предметом многочисленных юридических исследований⁵ и правовой квалификации со стороны правоприменителя. Интересно заметить, что суды по уголовным делам изначально посчитали необходимым определить криптовалюту как имущество и признать ее в качестве предмета преступлений⁶, тогда как по гражданским спорам ситуация оказалась другой: во многих таких делах ей не нашлось места в системе действующего на тот момент гражданско-правового регулирования и потому истцам обычно отказывали в гражданско-правовой защите прав, связанных

¹ См.: Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 389–398.

² См.: Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649ql2Kg6HuTANrqZ.pdf> (дата обращения: 22.07.2023).

³ См.: там же.

⁴ См.: Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.07.2023).

⁵ См.: Кучеров И. И. Криптовалюта: идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств. М., 2018; Харитонова Ю. С. Криптовалюта в правоприменительной практике // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 31–36.

⁶ См.: п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Росс. газ. 2015. 13 июля.

с ее оборотом⁷. Вместе с тем в ряде случаев подобные объекты все-таки признавались на уровне Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ имуществом в той или иной степени⁸, в результате чего дела при обжаловании вынесенных судебных решений направлялись на новое рассмотрение⁹. Представляется, что такую противоречивую позицию судов на одно и то же правовое явление вряд ли можно признать допустимой, поскольку она создает правовую неопределенность и несомненно негативным образом сказывается на эффективности правового регулирования в сфере экономики¹⁰.

Спустя годы после законодательного признания цифровой валюты в Гражданском кодексе РФ¹¹ она до сих пор отсутствует. Ее определение содержится в ч. 3 ст. 1 Федерального закона о цифровой валюте, которая обозначает ее как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе...». При этом она может использоваться в качестве средства платежа, не являясь при этом денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, а также может выступать инвестицией.

Как видно, в приведенном законодательном определении цифровая валюта по своей сути представляет собой электронные данные, которые с точки зрения п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите

информации»¹² являются не чем иным, как информацией. Очевидно, что в таком понимании она не может признаваться объектом гражданских прав, особенно учитывая то, что информация была обоснованно исключена из перечня таких объектов в ст. 128 ГК РФ еще в 2008 г. в соответствии с Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹³.

В то же время, как уже было отмечено *supra*, цифровая валюта может использоваться в качестве инвестиции, которая обычно признается имуществом в его широком значении, в частности, согласно ст. 1 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»¹⁴. Кроме того, в ч. 3 ст. 14 Федерального закона о цифровой валюте при определении организации обращения цифровой валюты в Российской Федерации предусматривается возможность ее перехода от одного обладателя к другому при совершении гражданско-правовых сделок, что указывает на гражданско-правовую оборотоспособность данного объекта посредством придания ему имущественной характеристики.

То же самое следует сказать в отношении криптовалюты и иных криптоактивов, которые многообразны и не имеют до сих пор однозначного понимания¹⁵. В частности, в Российской Федерации данный термин криптовалюты можно встретить лишь в отдельных документах государственных органов власти, в которых обычно указывается на ее виртуальный, децентрализованный и анонимный характер¹⁶. В теории были предложены гораздо более точные определения, раскрывающие ее, к примеру, как децентрализованную и конвертируемую, основанную на применении криптографии для создания и контроля новых единиц валюты и осуществления транзакций¹⁷. Именно через техническую (цифровую, информационную) сущность (как единицу учета в виде записи с использованием технологии блокчейн, запись транзакций в виде

⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.05.2021 по делу № А41-4212/2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/sN6GeyPPnDbu/?ysclid=llch54pl1y937207413> (дата обращения: 22.07.2023); Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 8.10.2021 по делу № А57-15876/2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/3SVSIDu5Dcmj/?ysclid=llchux6i3x275228288> (дата обращения: 22.07.2023).

⁸ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.02.2021 № 2-2886/2019 по делу № 44-КГ20-17-К7 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1969738 (дата обращения: 22.07.2023).

⁹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.09.2021 № 29-КГ21-5-К1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21092021-n-29-kg21-5-k1/?ysclid=llghqa1jno754635193> (дата обращения: 22.07.2023).

¹⁰ См.: Лисица В. Н., Пархоменко С. В. Некоторые аспекты повышения эффективности уголовного закона в сфере экономики: разработка категориального аппарата // Всеросс. криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 190–198.

¹¹ См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

¹² См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

¹³ См.: СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I), ст. 5497.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 1999. № 9, ст. 1096.

¹⁵ См.: Обеспечение прав инвесторов в условиях цифровизации экономики: опыт стран Европы и Азии / под общ. ред. В. С. Бельх, А. П. Алексеенко. М., 2021. С. 8–12, 16–23; The Law of Crypto Assets / ed. by Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. München, 2022. P. 18–23.

¹⁶ См.: Информация Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных “виртуальных валют” (криптовалют)» // Вестник Банка России. 2017. № 80.

¹⁷ См.: Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica. 2019. № 7. С. 132.

реестра¹⁸ и т.п.) она часто определяется в литературе. В этой связи криптовалюту следует рассматривать как цифровую валюту, которая создается с использованием технологии блокчейн и криптографических средств, или выражаясь другими словами, в информационной системе на основе распределенного реестра.

Однако использование одних лишь технических характеристик в определении цифровой валюты не позволяет точно определить ее место в системе объектов гражданских прав. Оценивая законодательные нововведения о цифровой валюте, необходимо еще раз констатировать неясность (противоречивость) ее гражданско-правовой природы, что находит отражение в различных подходах ученых в ее понимании¹⁹. С одной стороны, основная ее составляющая — информация — не является объектом гражданских прав, а с другой — иные ее характеристики, предусмотренные законодательством (средство платежа, инвестиция и т.д.), указывают на ее имущественный характер. В этой связи в юридической литературе справедливо отмечается, что ее трудно отнести к каким-либо традиционным объектам гражданских прав, в частности вещам и обязательствам²⁰. На этом основании можно увидеть предложение о необходимости признания ее иным имуществом — цифровым имуществом²¹, которое пока не нашло законодательного признания.

Действительно, нельзя не согласиться с важностью отнесения цифровой валюты к имуществу. Иначе ее гражданско-правовая оборотоспособность, которая является ключевой характеристикой объекта гражданских прав, будет поставлена под сомнение. В этой связи наиболее перспективный подход — отнесение цифровой валюты к цифровым правам, которые были недавно признаны в качестве имущественных прав и тем самым введены в гражданский оборот. Гражданский кодекс РФ в п. 1 ст. 141¹ выделяет несколько признаков таких прав: во-первых, они должны быть названы в таком качестве в законодательстве, во-вторых, их содержание

и условия осуществления определяются в правилах информационной системы, а в-третьих, их осуществление и распоряжение допускаются только в такой информационной системе, причем без обращения к третьему лицу.

Цифровая валюта потенциально может подходить под данное определение. В частности, ее оборот возможен лишь в рамках той или иной информационной системы, где она создается. Единственное, что законодательно пока не предусмотрено — это прямое указание на то, что цифровая валюта является цифровым правом, а также установление правил (признаков), предъявляемых к такой информационной системе. Очевидно, что данные вопросы могут быть легко разрешены законодателем.

Может также показаться, что понятие цифрового права неприменимо к цифровой валюте, поскольку осуществление и распоряжение цифровым правом возможны в информационной системе без обращения к третьему лицу (п. 1 ст. 141¹ ГК РФ), тогда как в процесс выпуска и обращения цифровой валюты вовлечены различные субъекты. Однако это не совсем так. В частности, если обратиться к цифровым финансовым активам, которые законодательно отнесены к цифровым правам (ч. 2 ст. 1 Федерального закона о цифровой валюте), то следует отметить, что их выпуск, учет и обращение также осуществляются путем внесения записей в информационную систему, что требует наличия оператора или узлов информационной системы. На это прямо указывает ч. 1 ст. 10 Федерального закона о цифровой валюте, согласно которой сделки с цифровыми финансовыми активами заключаются посредством оператора обмена цифровых финансовых активов. При этом, как предусмотрено в ч. 7 ст. 4 указанного Закона, обладатель цифрового финансового актива должен по общему правилу, во-первых, быть включен в реестр пользователей информационной системы, в которой учитываются такие активы, а во-вторых, иметь доступ к данной информационной системе посредством обладания уникальным кодом, который позволяет получить информацию о цифровых финансовых активах и распорядиться ими.

Представляется, что помимо законодательного признания цифровой валюты необходимо более детально урегулировать порядок ее создания (майнинга), осуществления (распоряжения), перехода по другим основаниям, обременения, прекращения и защиты. Действующих положений по данным вопросам в ст. 14 Федерального закона о цифровой валюте, касающейся ее оборота, крайне недостаточно. В этой связи не случайно появление в Государственной Думе ряда законопроектов, к примеру

¹⁸ См.: Кудряшова Е.В. Правовое регулирование криптовалют: выбор вектора развития // Финансовое право. 2018. № 6. С. 9.

¹⁹ См.: Дейнеко А.Г. Цифровые права в Гражданском кодексе: ближайшие последствия и отдаленные перспективы // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 2. С. 175–198; Лантев В.А. Цифровая информация как объект гражданского и торгового оборота на современном этапе // Государство и право. 2022. № 7. С. 94, 95; Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 10–12.

²⁰ См.: Андреев В.К. О правовом аспекте цифровой валюты // Право и экономика. 2020. № 10. С. 8; Ефимова Л.Г. Криптовалюта как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25; Fintech: Law and Regulation / ed. by J. Madir. Cheltenham; Northampton, 2019. Pp. 115, 116.

²¹ См.: Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Указ. соч. С. 135, 136.

законопроекта № 237585-8²², предусматривающего внесение необходимых изменений и дополнений в Федеральный закон о цифровой валюте.

Как отмечается в литературе, цифровые права по своей гражданско-правовой природе близки к бездокументарным ценным бумагам²³, которые признаются имущественными обязательственными правами, не привязаны к какому-либо материальному носителю и передаются путем внесения записей в специальной системе учета²⁴. Полагаем, что еще более близким аналогом является секрет производства («ноу-хау»), представляющий собой, как и цифровая валюта, по своей сути информацию ограниченного доступа (п. 1 ст. 1465 ГК РФ), а также иные объекты интеллектуальной собственности, которые формально признаны объектами гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, как считается, имеют нематериальную (неимущественную) природу и потому в принципе не могут отчуждаться. В этой связи обоснованно указывается на важность разграничивать интеллектуальную собственность как таковую и различные права на нее, причем как личного неимущественного, так и имущественного характера²⁵. При этом в гражданском обороте, предусматривающем совершение различного рода сделок, по большому счету обычно участвуют именно имущественные интеллектуальные права, главным из которых является исключительное право. Последнее, как и право собственности, относится к абсолютным правам.

По аналогии в цифровой сфере также следует различать нематериальный объект — цифровой знак (цифровой код, токен), который не обладает какой-либо собственной значимостью и самостоятельностью и потому, как справедливо считается, не является самостоятельным объектом гражданских прав²⁶, и признаваемое законом на него субъективное гражданское право²⁷. Представляется, что

именно последнее подлежит гражданско-правовой регламентации в отношении порядка возникновения, осуществления, распоряжения, перехода по иным основаниям, прекращения и защиты с использованием известных гражданско-правовых средств и категорий.

В данном случае цифровая валюта как цифровой знак может быть признана объектом абсолютного цифрового права²⁸, учитывая, что цифровые права многообразны и могут включать не только обязательственные, но и иные имущественные права (п. 1 ст. 141¹ ГК РФ). При этом, как в свое время справедливо отмечал В.А. Дозорцев, для обособления информации (в нашем случае — совокупности электронных данных) требуется особая (совершенно новая) система правовой регламентации, а необходимым условием пуска объекта в экономический оборот является закрепление на него абсолютного права²⁹.

Необходимость признания цифровой валюты в качестве абсолютного цифрового права обусловлена отсутствием у нее обязательственно-правовой природы. Дело в том, что ее правообладателю в силу прямого указания в законе (ч. 3 ст. 1 Федерального закона о цифровой валюте) не противостоит какое-либо обязанное лицо — должник в обязательстве. Исключение составляют оператор и т.н. узлы информационной системы, функционирующей на основе распределенного реестра, которые признаются обязанными, но лишь в части обеспечения соответствия порядка выпуска цифровой валюты и внесения в отношении нее необходимых записей в такой информационной системе. Однако, как представляется, подобные обязанности возникают в рамках иных правоотношений, связанных с оказанием вышеназванными лицами услуг по обеспечению пользователям доступа к данной системе и совершения ими необходимых действий, связанных с оборотом цифровой валюты.

В 2023 г. путем принятия Федеральных законов от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»³⁰ и от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³¹ в законодательство Российской Федерации были введены новые категории — цифровой рубль и национальная денежная единица иностранного

²² См.: законопроект № 237585-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8> (дата обращения: 02.05.2023).

²³ См.: Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5. С. 10; Рожкова М.А. Указ. соч. С. 8.

²⁴ См.: Гонгало Б.М., Новоселова Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 185, 186.

²⁵ См.: Lisitsa V. Intellectual Property and Intellectual Rights: Issues of Correlation // Journal of Intellectual Property Rights. 2018. Vol. 23. No. 2. Pp. 86–93.

²⁶ См.: Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Цифровые знаки как объекты гражданских прав // Предпринимательское право. 2019. № 4. С. 3–12.

²⁷ См.: Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 43–46.

²⁸ См.: Ефимова Л.Г. Указ. соч. С. 23.

²⁹ См.: Дозорцев В.А. Информация как объект исключительного права // Дело и право. 1996. № 4. С. 28.

³⁰ См.: Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2023).

³¹ См.: там же.

государства, выпускаемая в цифровой форме, которая согласно п/п. «б» п. 2 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»³² признается иностранной валютой. Каких-либо определений в отношении данных понятий действующее законодательство, к сожалению, не содержит, указывая лишь на то, что такие денежные единицы находятся в обращении на законном основании и являются законным средством платежа на территории соответствующего государства.

Следует отметить, что феномен цифровой валюты центрального банка (Central Bank Digital Currency – CBDC)³³, которая в отличие от криптовалюты выпускается и официально признается государством, ранее получил свое распространение в других государствах. В частности, заслуживает внимания опыт Китайской Народной Республики по эмиссии цифрового юаня с одновременным запретом на использование криптовалюты на территории своего государства³⁴.

Согласно принятым законодательным изменениям, цифровые рубли вошли в перечень объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, причем они были указаны после безналичных денежных средств с использованием слова «включая» и отдельно от цифровых прав. Это означает, что с позиции законодателя цифровые рубли представляют собой все-таки безналичные денежные средства, и при этом они отличаются от цифровых прав. К такому же выводу можно прийти при анализе п. 1 ст. 140 и п. 1 ст. 862 ГК РФ в новой редакции, согласно которой расчеты цифровыми рублями отнесены к безналичным расчетам, а их формы устанавливаются законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе. В частности, согласно ч. 2 ст. 7.1 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»³⁵ это могут быть увеличение или уменьшение остатка цифровых рублей на счете, а также их переводы.

Как видно, цифровые рубли, будучи разновидностью безналичных денежных средств, следует отличать от денежных средств на банковских счетах и электронных денежных средств. Последние

в соответствии с п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», представляют собой денежные средства, предварительно предоставленные одним лицом для исполнения своих денежных обязательств перед третьими лицами другому лицу, которое учитывает информацию о размере таких средств без открытия банковского счета. При этом такое первое лицо (управомоченное лицо – кредитор) имеет право передавать распоряжения второму (обязанное лицо – должник), причем исключительно с использованием электронных средств платежа, в том числе платежных карт и иных технических устройств.

Таким образом, действующее законодательство предусматривает различные виды (формы) безналичных денежных средств, которые отличаются по порядку их использования в качестве средства обращения и законного средства платежа, а именно: безналичные денежные средства на банковских счетах, электронные денежные средства и цифровые рубли. В отличие от наличных денежных средств они имеют иную – обязательственно-правовую природу с позиции отечественной цивилистики. По данному вопросу Конституционный Суд РФ в одном из своих дел подчеркнул, что безналичные денежные средства, будучи разновидностью имущества, не относятся к вещам и, как следствие, не могут признаваться объектом вещных прав. Они существуют в виде записи на банковском счете их обладателя (кредитора) и по своей гражданско-правовой сущности являются обязательственным требованием на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт данный счет³⁶. Как справедливо отмечается в юридической литературе³⁷, данный вывод необходимо распространить и на цифровые рубли как разновидность безналичных денежных средств с той лишь особенностью, что счета цифрового рубля открываются и ведутся в соответствии с правилами платформы цифрового рубля Центральным банком РФ согласно ст. 7¹, гл. 4² Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» и ст. 82¹⁰ Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»³⁸.

³² См.: СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4859; 2023. № 31 (ч. III), ст. 5766.

³³ См.: *Габов А. В.* Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 55–57.

³⁴ См.: *Chen J., Nesterov I. O.* Central Bank Digital Currencies: Digital Yuan and Its Role in Chinese Digital Economy Development // *RUDN Journal of Economics*. 2023. Vol. 31. No. 1. Pp. 120–133; *The Law of Crypto Assets* / ed. by Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. Pp. 598–600.

³⁵ См.: СЗ РФ. 2011. № 27, ст. 3872.

³⁶ См.: п. 3 постановления Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества “Глория”» // СЗ РФ. 2014. № 51, ст. 7528.

³⁷ См.: *Василевская Л. Ю.* Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // *Lex russica*. 2023. № 1. С. 15.

³⁸ См.: СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790; 2023. № 31 (ч. III), ст. 5766.

Далее возникает вопрос о соотношении цифрового рубля с цифровой валютой. В юридической науке однозначный ответ на данный вопрос пока отсутствует, учитывая небольшой по своему объему характер принятых поправок в Гражданский кодекс РФ и неясный и зачастую противоречивый характер разъяснений Центрального банка РФ по данной теме³⁹.

С первого взгляда, исходя из использования общего признака — цифровой характеристики валюты, может показаться, что цифровой рубль — это разновидность цифровой валюты. Однако если обратиться к ее легальному определению в ч. 3 ст. 1 Федерального закона о цифровой валюте, то нельзя не обратить внимания на ряд ее ключевых признаков, которые противоречат сущности цифрового рубля. Во-первых, она не является денежной единицей Российской Федерации или иностранного государства, международной денежной или расчетной единицей. Данному положению корреспондирует законодательный запрет на ее использование в Российской Федерации в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг), а также на распространение информации о ее предложении или приеме в качестве таковой (ч. 5 и 7 ст. 14 Федерального закона о цифровой валюте).

Во-вторых, обладателю цифровой валюты, как было отмечено *supra*, не противостоит какое-либо обязанное лицо, как это имеет место быть в отношении безналичных денежных средств. На отсутствие центрального эмитента и децентрализованный способ эмиссии и хранения криптовалюты как ее существенного отличия от денежных средств, включая электронные денежные средства, справедливо указывается и в юридической литературе⁴⁰.

Кроме того, согласно ч. 6 ст. 14 Федерального закона о цифровой валюте требования российских лиц по обладанию цифровой валютой подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах такого обладания и совершения гражданско-правовых сделок и операций с ней в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, что также существенно отличает ее от цифрового рубля как законного средства платежа.

Интересно отметить, что внесенные поправки в Гражданский кодекс РФ в части использования цифровых рублей позволили правомерно ввести их в гражданское законодательство, не нарушив

при этом ч. 1 ст. 75 Конституции РФ, которая предусматривает, что, во-первых, денежной единицей в Российской Федерации является рубль, во-вторых, денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком РФ, а в-третьих, введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются. Законодатель, исходя из потребностей Российской Федерации во внедрении и широком использовании российских денежных средств в цифровой форме — цифровых рублей, в соответствии с необходимыми требованиями Конституции РФ умело ввел их в законодательство, назвав их, во-первых, рублями, а во-вторых, возложив, на Центральный банк РФ в соответствии с п. 4² ст. 4 и ст. 82¹⁰ Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» функции оператора платформы цифрового рубля, организации и обеспечения бесперебойности ее функционирования, а также по установлению правил такой платформы.

* * *

Таким образом, несмотря на использование в наименованиях общей цифровой характеристики, цифровые рубли не являются цифровой валютой в том понимании, какое предусмотрено в Федеральном законе о цифровой валюте, представляя собой безналичные денежные средства наряду с безналичными денежными средствами на банковских счетах и электронными денежными средствами, и имеют обязательно-правовую природу.

В отличие от них гражданско-правовая природа цифровой валюты, включая криптовалюту, видится иной, причем не совсем ясной исходя из противоречивых положений действующего законодательства. В целях придания ей необходимой гражданско-правовой оборотоспособности, включая возможность ее отчуждения и перехода к другим лицам, в гражданском праве она должна рассматриваться в качестве имущества.

По аналогии с интеллектуальной собственностью представляется важным различать нематериальный объект — цифровой знак (цифровой код, токен), который не обладает какой-либо собственной значимостью и потому не может являться самостоятельным объектом гражданских прав, и признаваемое законом на него субъективное гражданское право, в отношении которого и должна осуществляться необходимая гражданско-правовая регламентация. С этой точки зрения в гражданско-правовом значении цифровая валюта должна быть признана абсолютным цифровым правом и более подробно урегулирована в действующем законодательстве.

³⁹ См.: Габов А. В. Указ. соч. С. 55–65.

⁴⁰ См.: Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Указ. соч. С. 135.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В. К. О правовом аспекте цифровой валюты // Право и экономика. 2020. № 10. С. 8.
2. Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. 2023. № 1. С. 15.
3. Василевская Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5. С. 10.
4. Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 55–65.
5. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 185, 186.
6. Дейнеко А. Г. Цифровые права в Гражданском кодексе: ближайшие последствия и отдаленные перспективы // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 2. С. 175–198.
7. Дозорцев В. А. Информация как объект исключительного права // Дело и право. 1996. № 4. С. 28.
8. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica. 2019. № 7. С. 132, 135, 136.
9. Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25.
10. Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 43–46.
11. Кудряшова Е. В. Правовое регулирование криптовалют: выбор вектора развития // Финансовое право. 2018. № 6. С. 9.
12. Кучеров И. И. Криптовалюта: идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств. М., 2018.
13. Лаптев В. А. Цифровая информация как объект гражданского и торгового оборота на современном этапе // Государство и право. 2022. № 7. С. 94, 95.
14. Лисица В. Н., Пархоменко С. В. Некоторые аспекты повышения эффективности уголовного закона в сфере экономики: разработка категориального аппарата // Всеросс. криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 190–198.
15. Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Цифровые знаки как объекты гражданских прав // Предпринимательское право. 2019. № 4. С. 3–12.
16. Обеспечение прав инвесторов в условиях цифровизации экономики: опыт стран Европы и Азии / под общ. ред. В. С. Бельх, А. П. Алексеенко. М., 2021. С. 8–12, 16–23.
17. Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 8, 10–12.
18. Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 389–398.
19. Харитонова Ю. С. Криптовалюта в правоприменительной практике // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 31–36.
20. Chen J., Nesterov I. O. Central Bank Digital Currencies: Digital Yuan and Its Role in Chinese Digital Economy Development // RUDN Journal of Economics. 2023. Vol. 31. No. 1. Pp. 120–133.
21. Fintech: Law and Regulation / ed. by J. Madir. Cheltenham; Northampton, 2019. Pp. 115, 116.
22. Lisitsa V. Intellectual Property and Intellectual Rights: Issues of Correlation // Journal of Intellectual Property Rights. 2018. Vol. 23. No. 2. Pp. 86–93.
23. The Law of Crypto Assets / ed. by Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. München, 2022. Pp. 18–23, 598–600.

REFERENCES

1. Andreev V. K. About the legal aspect of digital currency // Law and economics. 2020. No. 10. P. 8 (in Russ.).
2. Vasilevskaya L. Yu. Digital ruble: a civilist's view of the problem // Lex russica. 2023. No. 1. P. 15 (in Russ.).
3. Vasilevskaya L. Yu. Digital rights as a new object of civil rights: problems of legal qualification // Economy and law. 2019. No. 5. P. 10 (in Russ.).
4. Gabov A. V. The digital ruble of the central bank as an object of civil rights // Actual problems of Civil Law. 2021. Vol. 16. No. 4. Pp. 55–65 (in Russ.).
5. Gongalo B. M., Novoselova L. A. Is there a place for “digital rights” in the system of objects of Civil Law // Perm Law Almanac. 2019. No. 2. Pp. 185, 186 (in Russ.).
6. Deineko A. G. Digital rights in the Civil Code: immediate consequences and long-term prospects // Proceedings of IGP RAS. 2020. Vol. 15. No. 2. Pp. 175–198 (in Russ.).
7. Dozortsev V. A. Information as an object of exclusive right // Business and law. 1996. No. 4. P. 28 (in Russ.).
8. Egorova M. A., Efimova L. G. The concept of cryptocurrencies in the context of improving Russian legislation // Lex russica. 2019. No. 7. Pp. 132, 135, 136 (in Russ.).
9. Efimova L. G. Cryptocurrencies as an object of Civil Law // Economy and law. 2019. No. 4. Pp. 17–25 (in Russ.).
10. Kartskhiya A. A. Digital rights and law enforcement // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 2. Pp. 43–46 (in Russ.).
11. Kudryashova E. V. Legal regulation of cryptocurrencies: choosing a vector of development // Financial Law. 2018. No. 6. P. 9 (in Russ.).
12. Kucherov I. I. Cryptocurrency: ideas of legal identification and legitimization of alternative means of payment. M., 2018 (in Russ.).
13. Laptev V. A. Digital information as an object of civil and commercial turnover at the present stage // State and Law. 2022. No. 7. Pp. 94, 95 (in Russ.).
14. Lisitsa V. N., Parkhomenko S. V. Some aspects of improving the effectiveness of Criminal Law in the field of economics: the development of a categorical apparatus // All-Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. No. 2. Pp. 190–198 (in Russ.).
15. Novoselova L. A., Polezhaev O. A. Digital signs as objects of civil rights // Entrepreneurial Law. 2019. No. 4. Pp. 3–12 (in Russ.).

16. Ensuring the rights of investors in the conditions of digitalization of the economy: the experience of European and Asian countries / under the general editorship of V.S. Belykh, A.P. Alekseenko. M., 2021. Pp. 8–12, 16–23 (in Russ.).
17. *Rozhkova M.A.* Digital rights: public law concept and concept in Russian Civil Law // *Economy and law*. 2020. No. 10. Pp. 8, 10–12 (in Russ.).
18. *Savenkov A.N.* The state and law during the crisis of modern civilization. M., 2020. Pp. 389–398 (in Russ.).
19. *Kharitonova Yu.S.* Cryptocurrency in law enforcement practice // *Entrepreneurial Law*. 2019. No. 2. Pp. 31–36 (in Russ.).
20. *Chen J., Nesterov I.O.* Central Bank Digital Currencies: Digital Yuan and Its Role in Chinese Digital Economy Development // *RUDN Journal of Economics*. 2023. Vol. 31. No. 1. Pp. 120–133.
21. *Fintech: Law and Regulation* / ed. by J. Madir. Cheltenham; Northampton, 2019. Pp. 115, 116.
22. *Lisitsa V.* Intellectual Property and Intellectual Rights: Issues of Correlation // *Journal of Intellectual Property Rights*. 2018. Vol. 23. No. 2. Pp. 86–93.
23. *The Law of Crypto Assets* / ed. by Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. München, 2022. Pp. 18–23, 598–600.

Сведения об авторе

ЛИСИЦА Валерий Николаевич —
доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора
гражданского и предпринимательского права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

LISITSA Valeriy N. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Leading Researcher of the Sector
of Civil and Entrepreneurial Law
of the Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia